

своение солдатских аннон канцеляристами дуксов засвидетельствовано и при Анастасии в Пентаполе (SEC. IX. 356). Важно, однако, другое: пограничники ранней Византии и в 534 г. находились на государственном обеспечении и земледелием сами на занимались, а слова Юстиниана о том, что они могли бы обрабатывать землю, оставались пожеланием правительства в условиях нехватки гражданского или другого населения, на которое можно было бы возложить эту повинность. Несомненно, что и в восточных провинциях они этого не делали. Из сообщения Прокопия о том, что Юстиниан, задолжав пограничникам, отнял у них и само звание воинов, неизбежен вывод о неразрывной связи их только с анноной, но не с землей (*Procop.* Н. а. 24).

Кого же тогда имеют в виду законы IV—VI вв., говоря о «лимитанских полях»? Прежде всего, бросается в глаза их немногочисленность¹¹ по сравнению, например, с рескриптами о порядке взимания военной анноны (С. Th. VII, 4. 1—36). Сознвая всю условность подобной «статистики», тем не менее нельзя не отметить, что правительство, видимо, интересовалось судьбой этих земель только от случая к случаю. Содержание всех этих упоминаний практически одинаково — запрещение владеть наделами любым лицам, кроме тех, кому они были дарованы еще в древности. Законы показывают, что эти земли тянулись в V в. вдоль всей восточной границы (*per tractum Orientis.* — *Nov. Theod.* V, 2, 1), но развал военно-земледельческих общин локализуется в Месопотамии и Осроэне (*Cod. Just.* XI, 62, 8), в Армении, близ городов Сатала и Феодосополя (*Nov. Theod.* V. 3).

А. Джонс комментирует законы, касающиеся восточного пограничья, как результат проведенной там реформы *limitanei*. По его мнению, «практика дарования наделов ветеранам, очевидно, была упразднена в конце IV в.; в последний раз она упоминается в законах Валентианина I. Ветерану *limitanei* могли позволить в качестве компенсации обрабатывать территории, принадлежащие легионам и, возможно, другим укреплениям. Среди *limitanei*, видимо, стало нормальным для сыновей записываться в подразделения своих отцов, и часто случалось, сын вынужден был наследовать надел своего отца, до того как тот достиг возраста отставки. На практике же некоторые *limitanei* должны были обрабатывать землю на действительной службе»¹².

Однако далее А. Джонс колеблется в собственной гипотезе: «Большинство, тем не менее все еще зависело от своего жалованья»¹³. На наш взгляд, в его гипотезе смешиваются разные типы землевладения — государственное и частное. Первые и на Востоке правительство старалось предоставить варварам. А коль скоро на византийско-персидской границе не было широкой прослойки свободных варварских племен, не втянутых в орбиту влияния той или другой державы, то этой нехваткой людского материала и объясняется, очевидно, постоянная нестабильность военно-земледельческих общин. Наконец, статус дедитициев не мог защитить от злоупотреблений провинциальных властей и захватов земель римскими посессорами. Если же принять концепцию Д. ван Берхема о том, что солдатами-колонатами были *alares et cohortales*, то становится непонятным, каким образом при нормальном функционировании системы рекрутирования пограничной армии могли захватываться земли римских граждан, находящихся на государственной службе. Усердие солдат на этой службе всячески стимулировалось на протяжении всего IV в.: если в 325 г. ауксулярии получали налоговые иммунитеты после зачисления в часть (С. Th. VII. 20, 4), то в 370 г. — после пяти лет службы (С. Th. VII. 13, 6); после почетной отставки они освобождались от всех гражданских повинностей (С. Th. VIII. 4. 1).

¹¹ Основные: С. Th. VII. 15, 2; *Cod. Just.* XI. 60, 2; 62, 8; *Nov. Theod.* XXIV, 4; IV.1; V.2, 3.

¹² *Jones A. H. M.* *The Later Roman Empire (284—602): a Social, Economic and Administrative Survey.* Oxford, 1964. Vol. 2. P. 654.

¹³ *Ibid.*